

This article is devoted to the significance of the postulate of concrete historicism in relation to the problem of the conditional unity of being and thinking. The article considers the main stages in the development of the philosophy of history as a separate theoretical discipline and reconstructs the systemic links between its main tendencies and the questions of ontology and the theory of knowledge. Particular attention is paid to the role of the postulate of concrete historicism in the ontognoseological concept of M. A. Lifshitz. The necessity of a semiotic interpretation of the problem complex under consideration is shown.

Key words: *ontognoseology, concrete historicism, aporia, antinomy, neogumanism, meaning.*

О смысле феномена «партократия»

Филатов Т. В.

Россия, Самара, Самарский университет, доктор философских наук,
профессор кафедры философии

В статье рассматриваются историко-культурные предпосылки становления в Советской России политической системы, обозначаемой термином «партократия». Анализируются причины неустойчивости советской политической системы и действия власти, приведшие к распаду СССР.

Ключевые слова: *партократия, русское православие, папоцезаризм, цезарепапизм, царь-жрец, руководящая роль Партии.*

Целью настоящей статьи является анализ философских истоков реального фундамента политической системы Советского Союза, определяемого его политическими противниками термином «партократия». Мы хотим показать, что идея подобного рода политической системы, выглядевшая весьма экзотично на фоне буржуазных демократий Запада конца XIX – начала XX столетия, не была механически привнесена извне прозападно ориентированными русскими марксистами, а является естественным итогом органического развития русской религиозно-философской мысли.

Человеческая история с первобытных времен являлась ареной борьбы двух властей – светской и духовной. Уже Дж. Фрэзер в своем фундаментальном исследовании «Золотая ветвь» показывает, что в первобытных племенах издревле конкурировали вожди, опиравшиеся на реальную военную силу, и жрецы, опиравшиеся исключительно на магию и тайные знания [8, с. 99-108]. В Древнем Египте магия жрецов успешно противостояла абсолютной власти фараонов. Последнее, в частности, обусловило поражение реформ Эхнатона, попытавшегося перейти от традиционного политеизма к монотеизму: культу единственного бога Атона [7, с. 167]. Борьба светской и духовной власти становится одной из определяющих тем истории христианской средневековой цивилизации, особенно на католическом Западе. Достаточно вспомнить Каноссу, ставшую символом победы духовной власти папы Григория VII над светской властью императора Священной Римской империи Генриха IV.

В этом смысле крушение папской власти, завершившееся присоединением Папской области к Италии, рассматривалось русскими религиозными философами как политическое крушение европейской духовности и торжество грубой буржуазной материальности. В данной связи весьма показательной представляется позиция одного из крупнейших русских мыслителей предреволюционного времени Н. А. Бердяева. Согласно его представлениям, западная католическая церковь изначально впала в «папоцезаризм», поскольку папа римский провозгласил себя Первосвященником и заместителем Христа, создав, тем самым, «ложную теократию», т.к. «Сам Христос есть Царь и Первосвященник и не имеет заместителей» [1, с. 179]. При этом папство взяло на себя функции светских правителей, а сам папа встал во главе одного из феодальных государств Западной Европы – Папской области. Последнее неверно, поскольку духовная власть не должна подменять собой светскую. С другой стороны, восточная православная церковь изначально впала в другое извращение – «цезарепапизм», когда заместителями Христа провозглашали светских правителей. При этом светская власть, по сути дела, постепенно присвоила себе функции власти духовной. Наиболее уродливые формы подобный процесс принял в петровской России, где русская православная церковь, по сути дела, превратилась в одно из госучреждений, т. е. в бюрократическую структуру, во главе которой стоял чиновник или, выражаясь современным

языком, «эффективный менеджер»: обер-прокурор Священного синода. Неудивительно, что в русской православной церкви петровского периода перестал действовать такой важный принцип церковной жизни, как тайна исповеди: будучи, по сути дела, государственным служащим, российский священник, узнав на исповеди что-либо антигосударственное, должен был немедленно донести об этом в «правоохранительные органы» [6].

Истина, как всегда, должна быть где-то посередине. По логике христианства духовная власть должна быть выше светской, выполняя определяющие функции по отношению к светскому правлению. При этом духовный лидер не должен править сам, он лишь критически оценивает и направляет деяния светских властей, благословляя, либо не благословляя их на те или иные политические начинания. Так в умах русских религиозных философов западнического направления, ярким представителем которых является В. С. Соловьев, рождается идея «Всемирной теократии», несовершенным воплощением которой является историческая римско-католическая церковь [2].

У идеи «партократии» имеется и другой философский источник, непосредственно не связанный с христианским противопоставлением духа и плоти, но реализующий аналогичную смысловую структуру управления [5]. Это – учение Платона об идеальном государстве, представляющее собой один из первых коммунистических проектов, реализация которого в условиях рабовладельческого общества предполагала обобществление рабов, а также жен и детей. Согласно Платону, идеальным государством должны управлять *философы*, поскольку в своей практике они руководствуются исключительно мудростью. Аналогичным образом человеком должен управлять разум, а вовсе не желания или чувства.

Позднее идея философов-правителей была повторена многими представителями утопического социализма и, прежде всего, Томмазо Кампанеллой в его знаменитой утопии «Город Солнца». Власть в этом идеальном государстве принадлежит Совету мудрецов, которые строят повседневную жизнь граждан, руководствуясь исключительно рациональными основаниями. Например, они формируют брачные пары, исходя вовсе не из отношения друг к другу брачующихся, а исключительно из соображений получения здорового потомства.

Примечательно, что христианский брак, основанный на чувстве христианской любви, т. е. содержащий в себе некоторые элементы духовности, в Новое Время уступает место вовсе не холодно-рациональным отношениям, направленным исключительно на рождение и воспитание здорового потомства, а отношениям потребления друг друга, основанным на жадности и похоти, что, кстати, является одной из главных причин депопуляции современного западного человечества. Тем самым, исторически плоть окончательно побеждает дух, и нововременной Запад окончательно изживает христианство.

При этом западная представительская демократия оказывается весьма далекой от соображений высшего разума, будучи воплощением среднеарифметической воли переменчивой толпы, движимой исключительно низменными, плотскими соображениями. Платон, проживавший в условиях афинской демократии, прекрасно понимал эту особенность любого демократического сообщества, отнеся демократию к одной из худших форм правления.

Неудивительно, что классики марксизма скептически относились к буржуазно-демократическим институтам, отдавая явное предпочтение диктатуре пролетариата, справедливо полагая, что только диктаторскими методами можно осуществить такой глобальный проект, как построение бесклассового коммунистического общества. В этом смысле знаковой для российской истории точкой бифуркации становится разгон большевиками Учредительного собрания [4].

Попробуем вникнуть в тогдашнюю логику Ленина и его окружения. Мы и только мы владем истиной. Только мы знаем, как спасти гибнущую страну, тотальный развал которой начался после Февральской революции, кстати, не по нашей вине, а благодаря стараниям сторонников западной представительской демократии, которые, получив большинство в Учредительном собрании, и дальше предполагают вести страну по гибельному пути, вплоть до полного прекращения ее исторического существования. Аналогичным образом умирающий от пьянства человек выберет в друзья доброхота, который протягивает ему рюмку, а не злодея, насильно отбирающего у него питье. Что же делать? Передать всю полноту власти людям, вооруженным единственно истинной «научной» философией, разгнав и изолировав буржуазно-демократических политических «доброхотов», чьи «тлетворные идеи» опасны для страны и ее народа.

Тем самым был заложен первый камень в фундамент системы советской «партократии», становление которой сопровождалось подавлением левых эсеров, а затем всех оппозиционных течений в большевистской партии. По существу Партия, будучи единственной, монопольно владеющей социальной истиной, воплощенной в «научной» философии марксизма, подменила собой государственную русскую православную церковь. Но в отличие от русского православия, исторически окончательно побежденного светской властью при Петре Первом, это была *победившая* Церковь. Соответственно аутентичным историческим аналогом советской формы «Всемирной теократии» выступает не русское православие, а католицизм с его институтом папства.

Именно Сталин, не будучи даже формальным главой Партии в должности Генерального секретаря, обрел в ходе политической борьбы со своими оппонентами абсолютную власть в стране и впервые в истории России поставил духовную власть выше светской, представленной в Советском Союзе Верховным Советом, аналогом западной законодательной власти, и Советом Министров, аналогом западной исполнительной власти. В конечном итоге «руководящая роль» Партии была закреплена в статье 6 Конституции СССР 1977 г. [3].

Партия в советский период становится аналогом Церкви, парткомы – аналогами церковных приходов, члены партии – аналогами священнослужителей, члены Политбюро – аналогами католических кардиналов, съезды Партии – аналогами вселенских соборов. Неудивительно, что советские праздники в виде шествий с обязательными портретами членов Политбюро удивительно напоминали крестный ход, а партийные собрания представляли собой вполне качественный аналог богослужений, вплоть до публичного покаяния в грехах.

Таким образом, в отличие от Запада, где преодоление феодально-монархической политической системы осуществилось реальным образом, посредством установления политических институтов представительской буржуазной демократии, в России подобного преодоления так и не произошло. Исторически поставив себя в положение «догоняющей» по отношению к Западу цивилизации, «русский мир» отверг окончательно дискредитировавшую себя феодально-монархическую систему светского самодержавия, как ложной теократии, в пользу ее альтернативы – феодально-монархической системы «партократии», аналога «единственно истинной» «Всемирной теократии».

Действительно, легитимность светских правителей в духе цезарепапизма в христианском мире объяснялась тем обстоятельством, что их власть – «от Бога», что именно они – «заместители Христа» на Земле. Но в XX веке подобного рода архаические конструкции уже не действовали на прогрессивное нововременное человечество. Только психологически и ментально застрявшие в прошлом японцы могли искренне верить вплоть до 1945 года в то, что их император – Бог. Не случайно представители США в качестве одного из условий принятия японской капитуляции выдвинули странное требование, чтобы японский император выступил перед нацией по радио и объявил людям, что он – не Бог. Потому что в нововременном сознании Бога нет, или, как говорил Ницше, «Бог мертв» [9].

Соответственно легитимность существующей власти в Новое Время обосновывается не философскими или теологическими, а правовыми соображениями. Нет не только Бога, который, как известно, есть истина, нет истины как таковой, независимо от того, присутствует в мире Бог или нет. Софист Протагор, утверждавший, что человек есть мера всех вещей, одерживает, наконец, историческую победу над своим оппонентом Сократом, посвятившим свою жизнь поиску истины и умершим за нее. Правовое сознание необходимо именно демократическому обществу, где легитимность состязательна и ситуационна. «Не пойман – не вор», «главное в жизни – успех», «как оно кажется, так оно и есть». Одни преуспевают, другие – нет, завтра ситуация меняется, потому что везение – вещь весьма ненадежная. Но в этой зыбкости и игре честолюбий – источник постоянного движения и развития общества.

Однако «русский мир» с его архаическим исканием правды не мог механически подняться до высот европейского нововременного «цинического разума». Он просто переориентировался с «ложного» цезарепапизма, утратив веру в Царя, на «истинный» папоцезаризм с «правильным» отношением духовной и светской властей. Что есть истина? – «Научная философия» Маркса и Энгельса. – Кто должен властвовать? – Гениальные философы, наиболее глубоко и правильно постигшие эту истину, углубляющие и развивающие ее в правильном направлении. Все логично: «гении», начиная с эпохи Возрождения, великие ученые, творцы, проще говоря, ницшеанский Сверхчеловек – вот кто должен занять место «умершего» Бога. Но только при условии, что истина есть и она абсолютна. Если же она исторична и относительна, то гениаль-

ность – не более чем мираж, случайное стечение обстоятельств, аналогичное везению мусорщика, случайно сорвавшего джек-пот и на какое-то время ставшего миллионером.

Именно поэтому первый советский правитель – Ленин – позиционировался правящей большевистской элитой как гениальный мыслитель, совершивший переворот в марксизме, позволивший отсталой России выйти на передовые позиции в движении человечества к светлому коммунистическому будущему. Сочинения Ленина, включая письма и коротенькие записки, собирались и издавались, равно как сочинения Маркса и Энгельса, рукописи которых хранились в особом библиотечном фонде как величайшая интеллектуальная ценность. Второй советский правитель – Сталин – также позиционировался в качестве одного из величайших в истории теоретиков марксизма, хотя его «вклад» в марксистское учение был значительно скромнее ленинского, как по объему написанного, так и по глобальности синтезированных идей.

Увы, советский «партократический» проект легитимизации структуры управления имел очевидный дефект: великие открытия происходят в сфере чистого теоретического мышления, а вот практическое их применение требует всего лишь инженерной смекалки, наконец, для поддержания и использования достижений инженерной мысли достаточно среднего ума техника. Третий советский правитель – Хрущев – никак не мог претендовать на роль «великого теоретика» марксизма. Более того, развернутая им кампания по критике «культа личности» Сталина подрывала веру в органичный характер развития советского марксизма: ведь Сталин, оказывается, был не прав, равно как уничтоженные им основные политические оппоненты внутри коммунистической партии, Хрущевым не реабилитированные. Получалось, что последним, кто внес реальный вклад в развитие марксизма, был Ленин. Остальные же правители, включая самого Хрущева, интеллектуальные достоинства которого воспринимались народом весьма скептически, не могли рассматриваться в качестве «гениальных продолжателей» марксистского учения, т.к. у них не было значимых теоретических работ, способных обосновать их «гениальность».

В брежневскую эпоху, именуемую современными либеральными авторами «застоем», «партократическая» легитимизация власти вообще вырождается в откровенную симуляцию. Если Хрущев еще обладал

способностью к устным выступлениям, то сменивший его Брежнев, соответственно, все прочие крупные деятели партии во время съездов и других официальных мероприятий просто зачитывали тексты, подготовленные техническими специалистами (референтами), как правило, имевшими журналистское или философское образование. Тем самым окончательно размывался механизм формирования правящей «духовной» элиты, что к тому же сопровождалось трансформацией «партократии» в геронтократию.

Наконец, политика М. С. Горбачева, последовательно проводившего курс на сближение с Западом, имела катастрофические геополитические последствия, причем, не только для Партии, но и для страны в целом, прекратившей свое существование одновременно с Партией. Горбачев и его приближенные не понимали, что Партия в условиях СССР представляет собой структуру, *качественно отличную* от парламентских партий Запада. Она олицетворяла собой высшую, духовную власть и на этом основании была единственной консолидирующей силой советского общества, вследствие чего ее устранение должно было привести к глобальному развалу социума, причем не только в политической плоскости, но также в экономической и, прежде всего, в духовной.

Трансформация последнего Генерального секретаря Партии в первого и последнего президента СССР символизировала окончательный крах идеи «Всемирной теократии» и попытку конвергентного симулирования западной политической системы парламентского типа, что, однако, естественным образом завершилось лишь метаархаическим откатом к цезарепапизму дореволюционного типа, в рамках которого традиционная православная мифологема «богоизбранности» правителя эклектически сочетается с советской мифологемой его «гениальности».

Литература

1. Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Академический проект, 2015. 528 с.
2. Кантор В. К. Владимир Соловьев: имперские проблемы всемирной теократии // Вопросы философии. 2004. № 4. С. 126-144.
3. Конституция (Основной Закон) Союза Советских социалистических республик. Принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР де-

вятого созыва 7 октября 1977 года. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1977.htm#i>.

4. Панов В. Н. Учредительное собрание или власть Советов: проблема выбора пути развития России в 1917 г. // Человек и общество. 2017. № 1 (2). С. 18-23.
5. Соловьева А. А. Идеальное государство Платона и раннехристианская община: опыт сравнительного анализа // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2008. № 8 (108). С. 31-35.
6. Указ Синода о раскрытии тайны исповеди. Полный текст. URL: <http://diak-kuraev.livejournal.com/682692.html>.
7. Федяев А. П. Эхнатон и культура Древнего мира // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 3 (28). С. 165-170.
8. Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М.: Политиздат, 1980. 831 с.
9. Хайдеггер М. Слова Ницше «Бог мертв» // Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. М.: Гнозис, 1993. С. 168-217.

Filatov T. V.

ABOUT SENSE OF A PHENOMENON OF “PARTOCRACY”

The article examines historical and cultural preconditions of formation in the Soviet Russia of the political system, denoted by the term “partocracy”. The causes of the instability of the Soviet political system and the government's actions that led to the collapse of the Soviet Union are analyzed.

Key words: *partocracy, Russian Orthodoxy, papocaesarism, Caesaropapism, the king-priest, the leadership of the Party.*